

МОИМ ЧИТАТЕЛЯМ!

Дорогие друзья! Ко мне поступают вопросы, я читаю многочисленные комментарии касательно возраста Кати Петровской — любимой мной и вами героини моих романов. Некоторые читатели пытаются его вычислить, их отчего-то крайне беспокоит, почему это Катя не стареет, не меняется с возрастом.

Дело в том, дорогие мои друзья, что магия и сила авторского замысла позволяют сделать в книгах то, что в реальной жизни кажется невозможным. Например, подарить любимому герою вечную молодость и способность не меняться с течением времени. Книги — это литература, и там вроде бы все как в жизни, но не совсем. В романах свой собственный счет времени, отличный от нашего с вами.

Катя всегда будет молодой, прекрасной, желанной и любимой. Она НИКОГДА не состарится. Она навсегда останется тридцатипятилетней и будет существовать в этом возрасте и в этом образе и в будущем. Это мое авторское право и желание. Так что вам, дорогие мои читатели, придется это принять как должное.

Я не пишу сериал из жизни Кати. Каждый роман — это самостоятельная история, отдельное расследование. Да, в чем-то они порой связаны — воспоминаниями и общими героями. Но это всегда рассказ о новых событиях, свидетелем и участницей которых становится Катя. В реальности моих романов, в ее собственном мире и время течет по-другому. Воспринимайте каждую встре-

чу с Катей как свидание со старым другом, которого не видели неделю, месяц, полгода. А здесь, в нашем с вами мире, могло пройти уже и пять, и десять лет. Это ли не волшебство литературы? Это ли не исполнение самого заветного нашего желания — не стареть?

Мой новый роман посвящен памяти Вальтера Бухгольца, который присутствовал в моей жизни, а перед вами, дорогие читатели, во многих моих книгах появлялся в образах сразу двух любимых персонажей — Вадима Кравченко «Драгоценного» — мужа Кати и майора Никиты Колосова. Он остается единственным прототипом этих героев. В жизни он был этнический немец, двуязычный с детства, сначала он служил в правоохранительных органах, а потом стал бодигардом-телохранителем. Он был спутником моей жизни и, возможно, мне удалось в образах Драгоценного и Колосова передать те замечательные качества, которыми он обладал как мужчина, как полицейский, как человек.

На протяжении многих лет я слышу от вас, дорогие мои читатели, просьбы вернуть Драгоценного и Колосова. Я уклонялась от ответов на главные вопросы — отчего они исчезли из романов так внезапно? Почему их сюжетные линии оборвались? Что с ними обоими стало?

Так вот — в этом романе я даю вам полный и честный ответ на этот вопрос. В образах майора Вальтера Ригеля и писательницы Лизы Оболенской выступаем мы с Вальтером Бухгольцем. Я описываю все как есть, все, что произошло между нами.

Я надеюсь, что, прочитав эту книгу, вы поймете, почему же все линии этих героев оборвались. И уже не станете просить меня вернуть Драгоценного и Колосова, прототипом которых являлся Вальтер Бухголец. Поверьте, я бы все на свете отдала, чтобы вернуть их вам. Но я не могу. Есть вещи, которые уже не исправишь — даже в книгах. О них можно только предельно честно рассказать, испуская собственную вину.

*Посвящается памяти Вальтера Бухгольца
и Диоскуров-близнецов, сыновей генерала К.*

«Сатин, приподнимаясь на нарах:
— Кто это бил меня вчера?»

М. Горький «На дне»

«— А что, Алексашка, заведем
когда-нибудь у себя такую жизнь?..
Парадиз... Вспомню Москву — так бы
и сжег ее...

— Хлев, это верно...

— Сидят на старине, жопа сгнила.
Отчего сие? Гляди, — звезды здесь ярче
нашего...

— А у нас бы, мин херц, кругом бы
все тут обгадили...»

А. Толстой «Петр Первый»

Глава 1

ПРИЗРАК

— Они его все ненавидели. Не только этот город. Но и они все. Я не верю ни единому их слову. Потому что знаю — они все его ненавидели. Я отдаю себе отчет в том, что говорю. И у меня нет иллюзий на их счет. Пусть и у вас не будет.

Заместитель прокурора области Клара Порфирьевна Кабанова сказала это Кате — Екатерине Петровской, криминальному обозревателю Пресс-центра ГУВД Московской области, тихо. Чуть ли не интимно. И со странной гримасой на опухшем от слез лице.

Они все присутствовали на месте преступления. На месте убийства. Труп сына прокурора обнаружил утром водитель мусоровоза, поднял тревогу. Они приехали. И вот уже четвертый час находились здесь, пока шел осмотр.

Лил сильный дождь. Катя сначала пыталась спастись от него под зонтом. Но потом махнула рукой — и на зонт, и на дождевик, и на промокшие ноги в кроссовках, что влезли в липкой жиже, непохожей ни на глину, ни на чернозем.

Почва свалки. Гигантского подмосковного мусорного полигона Красавино, закрытого полгода назад. Мертвая земля. И мертвец.

Слова прокурора Кабановой относились к группе мужчин, стоявших под зонтами поодаль, рядом с экспертами-криминалистами, осматривавшими тело. Из мужчин лишь один был одет в полицейскую форму — начальник УВД города Староказарменска майор Ригель. Катя его прекрасно знала. Остальные были известны ей лишь по фамилиям. В Староказарменске она планировала познакомиться с ними лично и даже взять у кого-то из них комментарий к происходящему в городе. Но обстоятельства сложились иначе. Едва добравшись по пробкам из Москвы в Староказарменск, Катя в дежурной части узнала об убийстве — весь УВД подняли по тревоге. Она ринулась как криминальный репортер Пресс-службы на мусорный полигон, наткнулась сначала на жесткий отпор патрульных, стоявших в оцеплении: какая пресса, вы с ума сошли? Не понимаете сами, что ли?

Но ее велела пропустить зампрокурора области Кабанова. Хотя она в этот раз и не имела полномочий участвовать в процедуре осмотра, ей сразу же сообщили о случившемся. И она приехала на место убийства.

Не как прокурор. Как мать.

На ее глазах тело ее сына осматривали патологоанатом и эксперты-криминалисты. Переворачивали, фотографировали, обсуждали характер повреждений.

Какая мать это выдержит?

Но Клара Порфирьевна Кабанова не упала в обморок, не забилась в рыданиях, в истерике. Она смотрела на все

происходящее очень пристально, внимательно, словно стараясь не упустить ни единой детали, ни одного жеста, взгляда, людей, ее окружавших, — в общем-то своих коллег...

А потом сказала Кате те слова. И Катя впоследствии их неоднократно вспоминала.

— Закрытая черепно-мозговая травма, — констатировал патологоанатом, над которым помощник держал большой черный зонт. Над самым трупом растянули брезент от дождя, прикрепленный к высоким вешкам, но входить под этот хлипкий навес все равно приходилось согнувшись. — Ему нанесли несколько ударов по голове тяжелым предметом. Это не камень. Больше похоже на монтировку, металлический прут. Когда он упал, ему продолжали наносить удары уже по лицу. Все лицо разбито. Клара Порфирьевна... вам лучше на это не смотреть... Хотя я понимаю... Ему сломали нос. Точнее, там уже просто нет носа. Кровавое...

Патологоанатом не договорил, глядя на зампрокурора Кабанову. Та пристально созерцала тело сына. От группы мужчин под зонтами отделился один — высокий, темно-волосый, в строгом черном костюме и белой рубашке, быстро подошел к Кабановой — попытался то ли развернуть ее спиной к трупу, то ли вообще увести подальше. Но она резко вырвалась.

— Оставьте. Не трогайте меня. Я в полном порядке.

Мужчина в черном костюме вернулся к патологоанатому и что-то у него спросил негромко. За шумом ливня Катя не расслышала.

— Я затрудняюсь сказать точно, где его убили, следы крови в почве есть, но это ни о чем не говорит, — ответил патологоанатом тихо. — Машине здесь, сами видите, проехать трудно. Хотя внедорожник пройдет. Его машину, как мне сказали, нашли на стоянке. Но ее могли туда пригнать, чтобы создать впечатление, будто он приехал сам. Принести же тело сюда убийце было бы нелегко.

В потерпевшем не меньше девяносто пяти килограммов. Тяжелый груз. Хотя если убийц было несколько, то вполне могли убить в другом месте и притащить сюда. И бросить. Здесь, на свалке.

— Как падаль на свалку.

— Что? — это резко спросила прокурор Кабанова.

Ее вопрос относился к человеку под зонтом, произнесшем слово «падаль» — бритоголовому крупному мужчине в дорогом черном плаще от Prada, стоявшему вместе с майором Ригелем и остальными.

— Простите... сорвалось с языка. Я имел в виду, хлам разный на свалках валяется. Хлам сюда свозят и бросают.

Он кивнул через плечо.

Огромный мусорный полигон, на краю которого сейчас стояли они все, словно потерявшись навеки в пелене нескончаемого сентябрьского дождя, отрезанные от мира, освещаемые сполохами полицейских синих мигалок, — полигон доминировал в пространстве и во времени.

До самого горизонта.

Бескрайний.

Мертвый мусорный полигон.

Как пустыня.

Как иная планета, хранящая следы, тени, отбросы сгнувшей цивилизации. Великий Бесконечный Холодный Вонючий Грязный Мусорный Пейзаж на Фоне Дождя.

Эта небольшая площадка, расчищенная тракторами, где под ногами не земля, не глина, а некий вязкий субстант... Жижа.

И горы мусора по краям. И на одной куче под брезентовым навесом экспертов — труп молодого тридцатичетырехлетнего мужчины в дорогом синем костюме, испачканном кровью и грязью. Полного, кудрявого, с модной стрижкой и разбитыми в лепешку затылком и лицом.

— Это что? — спросила вдруг зампрокурора Клара Порфирьевна Кабанова хрипло.

— Где? — Катя поняла, что Кабанова говорит именно с ней.

— Вон там.

Кабанова указала куда-то вдаль.

В этот момент в пелене дождя послышался гул мотора. Где-то за мгlistой дождливой завесой заработал трактор, расчищающий новый участок полигона.

Звук мотора вспугнул птиц. И они взмыли в дожде над свалкой.

Тучи белых пронзительно кричащих птиц, которые кружат над волнами морскими в бескрайней вышине...

Чайки кружили над мусорным полигоном. И не было числа этим жадным галдящим птицам, сорвавшимся с куч мусора, где они рылись в смердящей грязи, выхватывая оттуда лакомые сгнившие куски. Воспарившим, как белые ангелы, в небо — высоко, далеко...

— Это, кажется, пианино. — Катя всмотрелась в тот предмет на куче мусора, на который указывала Кабанова. — Старое пианино.

— Старое пианино, — повторила зампрокурора. — Старое... старое пианино. Мы свое тоже выбросили. Никто из моих сыновей не хотел учиться музыке. А Лесик...

Она всхлипнула. И закрыла рот тыльной стороной ладони. Резкий жест.

Лесик... Алексей Кабанов. Жертва. Катя смотрела в сторону брезентового навеса — вот как, значит, его звали дома. Как звала его мать.

— Я его тяжело рожала. Очень тяжело. Чуть не умерла. Кесарево пришлось делать. Думала, никогда не решусь на второго ребенка. Однако решилась. Екатерина... можно я обопрусь на вас? На ваше плечо?

— Конечно, Клара Порфирьевна. — Катя быстро шагнула к ней, хотела поддержать под руку.

— Я не это имела в виду. Я еще крепко стою на ногах. Значит, старое пианино...

Кабанова смотрела в пелену дождя на музыкальный инструмент, выброшенный на свалку.

— Свидетеля нашли!

Сквозь дождь без зонта к ним бежал по свалке один из оперативников.

— Свидетель Мышкин.

— *Князь Мышкин?* — это спросил у запыхавшегося опера тот темноволосый мужчина в строгом черном костюме.

— Князь? Какой еще князь? Я говорю — свидетель. Только он непригодный. Неадекватный, — опер, видимо, то ли не понял, то ли полностью не одобрял стеб на месте убийства. — Бомж. Алкаш.

— Но он что-то видел? — уточнил майор Ригель.

— Говорит — видел.

— Давайте его сюда.

Майор Ригель подошел к Кабановой. Но остальные четверо из той компании под своими зонтами так и остались на месте. Оперативники привели свидетеля. Бомж в двух натянутых на куртку дождевиках — желтом и зеленом. В шерстяной замызганной шапке, несмотря на теплый сентябрьский день, в ботах. Лицо в прожилках. Возраст определить трудно.

— Что вы видели? — спросил у него майор Ригель. — Вы ведь что-то видели?

— Я мусор сортировал.

— Ночью?

— А то когда же, днем тут гоняют нас.

— Кто?

— Охрана.

— А ночью охраны нет?

— Она только с мусоровозами приезжает. Ну, эти, нанятые. Против демонстрантов которые. А ночью мусоровозы не ездят.

— Ясно. Значит, вы рылись ночью в мусоре.

— Сортировал. Фонарик у меня.

— Сортировали. Во сколько? — Майор Ригель задавал вопросы со своей чуть медлительной немецкой настойчивостью, столь хорошо знакомой Кате.

— Мне время без разницы. Темно было. Луна... Не люблю я ее. Больная планета. В лунные ночи это бывает. Всегда только в лунные.

— Что бывает?

— Пианино заиграло.

— То старое пианино?

— Чертово пианино. Давно я хотел его разбить. В щепки. Чтобы не соблазняло.

— Чем разбить? Кувалдой? Монтировкой?

— Э, не надо... не надо, начальник. Я его не трогал, этого мужика. — Бомж поднял грязные руки ладонями вверх. — Я его вообще ночью не видел. Потом прибежал на крик, когда водила с мусоровоза паниковал тут.

— Вас никто не обвиняет. Что вы видели ночью? — Майор Ригель задал новый вопрос.

— Пианино заиграло. — Бомж смотрел на Кабанову. — Музыка такая... вроде мрачного па-де-де.

— Знаете, что такое па-де-де?

— Знаю. Я бездомный, но не дурак же. Это мать его? Прокурорша? Сама?

— Это его мать. Так что вы видели?

— Он появился оттуда. — Свидетель махнул рукой куда-то вдаль — неопределенно. — Из тьмы. Шел. Скорее плыл.

— Кто?

— Он разный. Когда Серый. Когда Черный. Смотря какое обличье принимает. Какой плащ выбирает. Но всегда — лунной ночью. По лунной дорожке — словно спускается. Здесь ведь тоже своя лунная дорожка. Не бывали ночью на этой свалке?

— Нет.